

ЮЖЕТЫ
ИСТОРИИ

ЕВГЕНИЯ АХМАТОВА

МЕЧ
ДО КИЕВА
ДОВЕДЁТ

РЕДАКЦИЯ

КПО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 94(47)
ББК 68.3(2Рос=Рус)6
А95

Серия «Сюжеты истории»

Разработка серии и дизайн В. А. Воронина

Художник обложки: Юлия Кульгаева-Двинская

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Искренняя благодарность
протоиерею Вячеславу Куликову за помощь в описании
христианства той эпохи, а также
Дмитрию Данимовичу Данилову, кандидату исторических наук,
за его консультации по ростовско-мерянской части романа.

Ахматова, Евгения

А95 Меч до Киева доведёт. Сага о Ярославе / Евгения Ахматова. — Москва: Издательство АСТ; Редакция «КПД», 2026. — 672 с. — (Сюжеты истории).

ISBN 978-5-17-181865-4

История крещения Руси, княжение святого Владимира, распределение его сыновей по уделам и возникшая однажды братоубийственная война — всё это яркая историческая основа для романа «Меч до Киева доведёт». Но здесь же в стереоскопическом видении автора преломляются дружба и предательство, блуд и любовь, вера и циничное безверие, набеги печенегов и приглашение варяжских наёмников. А ещё — постоянные пересечения с более современными реалиями, особенно когда дружина во время пира затягивает известную песню: «Выпьем, дружина, за князя за батюшку, выпьем — и снова нальём!» Прошлое ведь никогда не уходит бесследно, оно здесь, с нами, в наших корнях.

УДК 94(47)

ББК 68.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-181865-4

© Евгения Ахматова, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РОСТОВ

Глава первая

Мальчик огляделся. Укромный уголок сада, где он любит мастерить игрушки, читать или просто разглядывать облака, как и ожидалось, пуст. Из остального мира доносятся привычные голоса и звуки: напев Тяши, который та заводит, когда спускается к реке за водой; спор его сестриц, кто из них сплёл себе самый красивый венок; самодовольное квохтание кур под мерный стук топора старого Карпа.

Можно начинать. Мальчик закрыл книгу, в которой рассказывалось о невесте когда случившейся великой войне, бережно уложил её в холщовую сумку и положил ту на траву под яблоней. С прошлой весны он взял за правило учиться ходить. Поначалу-то он, заводя эти попытки, не обращал внимания на присутствие домашних. Однако ему быстро надоело их сердобольное участие. Он стал от них прятаться. Как сейчас. Мальчик дотянулся до толстой ветки, непринуждённо подкинул своё тело не по возрасту накачанными руками, добился положения «я стою». Впрочем, он прекрасно знал, что это ещё не совсем так: пока основная часть его веса достаётся рукам и ветке. Дальше нужно чуть повернуться, отпустить правую руку, чтобы нездоровая правая же нога, тут же заныв, получила возможность принять положенную ей часть его тяжести, и, помогая себе второй рукой для равновесия, привычно вздрагивая, пройти три шажочка. Пока

ветка не закончится. Потом развернуться — и снова три шага. А потом снова. И снова. И снова.

Сделав положенный себе урок, он, всхлипнув, опустился на землю. Ясное, лёгкое полоцкое лето под синими небесами заливало мир, побуждая всё на свете расти, цвести и наливаться жизнью. В просветах скромной зелени вдруг появилось мелькание куда более насыщенного зелёного пятна. В таком ярком наряде у них ходила только Лада, молодая жена его старшего брата. И точно, через мгновение Лада показалась полностью, вместе с её скользящей, целеустремлённой походкой, довольной улыбкой и нарумяненными щеками. Подойдя к малине, она принялась выискивать алые ягодки и с задорной аккуратностью вкладывать их в губы. Заметив поодаль мальчика, Лада не бросила своего сладкого занятия, только ласково улыбнулась ему и поправила на голове кикю — двурогий головной убор замужней женщины, в честь рогатой оленихи, дарящей лёгкое и здоровое чадородие. Братова жена долго не ждала и вскоре после свадьбы оказалась беременна. Он никогда не видел брата таким по-дурацки радостным, как в тот день, когда та рассказала о своей тягости.

Женщина продолжала есть малину, ласково поглядывая на него. «Вот дура-баба», — подумал он чужими, взрослыми интонациями. И ему надоело тут сидеть.

— Ждан! Жда-ан! — крикнул он холопа, в чьи обязанности входило носить его туда, куда прикажут.

Но вместо здоровенного лопоухого детины на дорожке появился Будой, киевский боярин, которого отец перед их отъездом в Полоцк назначил ему дядькой. Будой невысок, коренаст, не слишком примечательной внешности, если не считать двуцветной головы: неповреждённая тёмно-русяя шевелюра над рыжими густыми усами, за что он получил прозвище «бурундук», на которое редко обижался.

— А, ты здесь, Ярослав, — сказал Будой.

— А где мне ещё быть? — удивился тот странному замечанию.

Будой пробормотал «ну да, ну да» и сел рядом с воспитанником. Сейчас Ярослав видел, что тот чем-то растревожен, но выспрашивать не стал, по опыту зная: тот и сам всё расскажет. Дядька любил и умел рассказывать.

— Ну вот ты скажи, зачем? — начал Будой медленно и даже несколько бессвязно, постепенно всё более и более вдохновляясь. — Вот если ты велик и могуч... Твоя дружина готова за тобой в огонь и воду, и ты побеждаешь всех своих врагов. И ты живёшь, как и положено жить великому воину и князю. Рубишься в бою, веселишься на пиру... Одариваешь добычей дружину, да, свою дружину...

Ярослав, повинувшись появившемуся тут новому чувству, перевёл взгляд на лицо дядьки. На последних его словах из-под вдохновения вдруг проглянуло что-то приземлённое, какие-то радостные воспоминания, что ли. Будто величественный образ отца, Владимира, великого князя киевского, несомненно, рисовавшийся прежней речью Будоя, растворился, а на его место вышел сам Будой, лихой и удачливый воин. Вот он горделиво принимает из рук князя драгоценные чаши, серебряные гривны, соболиные меха и всю остальную заслуженную им награду. Эта картина была так захватывающа, что замерший мальчик некоторое время не воспринимал, что тот продолжает говорить; заметив упущение, Ярослав тряхнул головой и вернулся к слуху. О, какое наслаждение слушать такое об отце!

Но дальше оказалось не столь чудесно. Теперь Будой, распаясь, втолковывал, что у великого человека и жён должно быть великое множество, и этим тоже он являет свою силу и право водить в бой хоть и менее, но тоже великих воинов; и чем же ещё отличается князь от своего последнего смерда, как не числом жён и наложниц... Ярослав хмыкнул на эту нелепицу: князя со смердом нельзя спутать, даже если первый совсем ещё неженат. Что за глупости!

Услышав смешок, Будой осёкся. Он мельком глянул на мальчика, огляделся, будто кого-то ища. Помолчал и загово-

рил уже обычным для ушей воспитанника голосом — ровным, чуточку тягучим, внушительным.

— Обедать-то пора. Солнце вона где. Идём, забирайся давай.

Он движением плеч указал, куда именно забираться. Обрадованный Ярослав мгновенно заскочил тому на спину: он любил так передвигаться, это была игра во всадника, да и нога тогда меньше ныла.

— Пойдём завтра утром на рыбалку? — горячо зашептал он в ухо, как раз к месту очутившееся рядом.

Будой засмеялся, отряхиваясь головой от щекочущего дыхания, и уверенно кивнул.

В горнице уже стоял весёлый запах каши с мясом и ухи из двенадцати речных рыбиц. Они с Будоем явились далеко не первыми — вокруг стола с визгом бегают сёстры, Предслава и Премислава; на лавке усаживается управляющий их хозяйством Одноух, молчаливый швед с резкими чертами лица цвета обожжённой глины (Ярослав почему-то боялся его и старался не привлекать к себе его внимания); матушкина нянька, старая Дажена, за давние заслуги допущенная за господский стол, набирает в миску из парующих горшков подношение домашним богам, которое должен вынести на двор его брат Изяслав как старший мужчина в семье; братина Лада скучает на своём месте. Не хватает только матушки да самого Изяслава.

Наконец послышалась их перебивающая друг друга речь, и в горницу вплыла матушка. Ярослав гордился тем, что всегда, в любой час дня или ночи, здоровая или больная, бодрая или сонная, она выглядела как княгиня: статная, величественная, с прямым и чуть суровым взглядом. Поверх шёлкового платка прилажена серебряная пластина в виде княжьего венца, по наряду из тёмно-красной шерсти весело идут вставки серебряной же вышивки; фибула в ярких пятнах эмали на её плече являет собой знак принадлежности к роду полоцких князей. За ней вошёл Изяслав, светловолосый, на голову выше матери ростом, но

так же на голову уступающий ей в величественности вида. Обычно он спокоен и добродушен, но не сейчас. У Ярослава засосало под ложечкой: он почуял идущую от них обоих тревогу. Из приглушённой речи, которую они всё ещё вели друг с другом, до него донеслось имя Анны, новой жены его отца. Он вдруг сообразил, что Будой тоже имел в виду её, ни разу, впрочем, не назвав имени. Хлебая поданное варево, он попробовал понять, в чём тут дело. Из-за чего все так всполошились.

Ну да, его отец взял себе ещё одну жену. Так имеет право. Ну, она царевна из Царьграда. Так этим наоборот надо гордиться. Ну, там ещё отец не только сам крестился, но и, по слухам, твёрдо вознамерился окрестить чуть ли не весь Киев. И что такого? Христиан вокруг и без того достаточно, вона его матушка сама не только христианка, но и дочерей своих окрестила, после того как они все уехали из Киева. Раньше-то отец христиан не очень жаловал, говорят.

Гоня туда-сюда эти мысли, он одновременно поглядывал на мать и брата. При всей своей внешней несхожести те были очень близки друг другу. Трудно сказать, кто из них на самом деле управлял полоцкой землёй. В любой сложной ситуации каждый из них шёл к другому за советом. Вот и сейчас они между собой что-то обсуждают. Даже несмотря на то, откуда-то понял он, что из-за еды почти смолкли; это, тем не менее, ничуть не мешало им взглядами, движениями пальцев и просто молчанием продолжать обсуждение чего-то очень важного.

В какой-то момент брат перехватил его сосредоточенный, даже насупленный взгляд. Ярослав заметил, что по лицу Изяслава пробежала недовольная гримаска, но и только. Отвлёкшись на мгновение, тот снова втянулся в молчаливый разговор с матушкой.

Ярослав вперился в свою миску и дальше просто жевал. Когда обед закончился, Изяслав торопливо ушёл. Мать тоже поднялась, подумала, но не пошла к себе, как обычно,

а подошла к Ярославу. Он с трудом, чуть ли не перенося руками свою правую закоряку, повернулся на лавке, чтобы оказаться к ней лицом.

Она легко присела рядом. На него пахнуло её таким родным запахом. Округлённое лицо, ровный пробор тёмных волос, странно светлые глаза, даже не голубые, а почти белёсые. И этот странный цвет он тоже в ней любил, потому что в гневе её глаза превращались в стальные. Мать положила не по возрасту пухлую ладонь на его голову, взъерошила волосы, заговорила.

— Как ты, маленький?

Не зная, что и ответить, давя зачем-то слёзы счастья от неожиданно выпавшей ему материнской ласки, он только дрогнул губами в застенчивой улыбке и пожал плечами.

— Учишь греческий?.. Учи-учи. — Голос её, вопреки сухим словам, был необыкновенно нежен. — Батюшке твоему теперь понадобятся грамотные люди. Не всем же на рати скакать.

И не удержалась, прошептав «бедненький ты мой». Размякшая фигура сына под её рукой как-то сразу отвердела. Она, спохватившись, продолжила:

— Владимир любит вас, всех своих сыновей. Не оставит никого в беде.

— Я княжич. И буду князем, — сообразил он то, что хотела она ему сказать.

— В каком-нибудь медвежьем углу? Из милости братьев? — покачала мать головой. — Нет, долг князя самому защищать свой удел. Коли не может он этого, то лучше сразу поискать себе долю иную.

Ярослав не нашёлся, что ответить. Да, впрочем, и говорить тут было не особо чего. Он княжич, и будет князем. А мать хоть и княжьего рода, но женщина, и не ведаёт, на что он способен. Он вспомнил разлитую в воздухе тревогу, хотел выспросить, в чём же тут дело, но не знал, как подступиться к вопросу. Наконец, попробовал зайти издалека и поинтересовался, куда так торопливо ушёл брат.

— Проверить, как отстраивают крепостные стены, — вздохнув, буднично ответила она. Помолчала, с новым вздохом погладила его по руке, потом прикоснулась губами к его виску — и отправилась в свои покои для послеобеденного отдыха.

Ярославу же послеобеденный отдых не был положен. После обеда у него, как назло, урок с учителем-греком сначала греческой же грамматики, затем арифметики. После занятий он надолго погрузился в выстукивание ладьи под парусом, такой же, как и настоящая, только в пядь длиной. Лишь вечером, в постели, снова задумался о событиях дня. За окном гас и всё никак не мог погаснуть долгий северный летний вечер. Думать об этой бесовой Анне оказалось уже неинтересно, и мысли его соскользнули к матери и брату.

Конечно, мать добра к нему, но как же он завидует Изяславу! Если бы она хоть раз в жизни посмотрела на него самого так, как глядела сегодня на старшего. Конечно, он знал, почему они так друг друга выделяют, так друг к другу относятся. Когда-то давно — сам Ярослав тогда был очень мал, и ничего из этого память не сохранила — Изяслав с мечом в руке и с риском для собственной жизни спас жизнь матери. Да, после такого мать, конечно, будет всегда смотреть на него как на помощь и защиту. О, если бы он сам однажды спас её! Тогда бы она уже не называла его «бедненьким».

Ярослав с недовольством крутанулся на бок — и ударил кулаком по подушке, потому что и это простое движение отдалось ноющей болью. Он снова лёг на спину и невидяще уставился в потолок.

«Бедненький» ли он? Да, он с рождения калека, едва способен ходить. Помешает ли это ему стать князем? Пока да, мешает. Его младший брат Всеволод уже прошёл обряд возведения в отроки, после которого мальчик учится быть мужем. Всеволода, младшего, посадили в седло, дали в руки нож. Сейчас он живёт в Киеве, у отца, и проходит науку воина и будущего князя.

Ярослав замер от неожиданной ясности: у его старшего брата всегда есть мать, у младшего — отец. И только с ним — никого нет! Мать считает его калекой и думает, как пристроить его, несчастного; отцу же он вовсе не нужен.

Думать так приносило муку, даже бóльшую, чем привычная боль в ноге. Он постарался чем-то отгородиться от этой мысли; к счастью, тут в покои вошёл Будой и принялся, сопя и позёвывая, укладываться спать.

— Будой, а Будой! — позвал мальчик.

— Чего тебе?

И вправду, чего? А, вот чего бы ему хотелось у него расспросить. В доме почему-то не особенно любили вспоминать обстоятельства того спасения Изяславом матери; по каким-то обрывкам подслушанных речей или внезапной, но быстро заканчивавшейся разговорчивости свидетелей тех событий, у него составила некая картина, но сейчас он понимал, что она в общем-то была детской. В ней находилось множество непонятностей. Пусть Будой ему и расскажет всё, что знает. И Ярослав, запинаясь, объяснил, чего хочет.

Когда он замолчал, в покоях наступила полная тишина. Ярослав задумался, то ли Будой просто обдумывает свой рассказ, то ли сейчас из темноты вырвется окрик «спи уже, не твоё то дело».

— Да что там рассказывать, — всё же начал Будой своим обычным, тягучим и размеренным, говором; мальчик облегчённо выдохнул и устроился поудобнее, готовясь его слушать. — Самого меня там не было, врать не буду, что видел всё своими глазами, но люди вот что говорят. Одной ночью князь Владимир пришёл к своей жене, княгине Рогнеде, и взял её, и уснул, уставши. Она же, достав спрятанный нож, захотела заколоть его. Но проснулся чутко спавший Владимир и перехватил нож. Разгневался он и, объявив, что повинна Рогнеда смерти, дал ей время для того, чтобы помолиться и одеться как княгиня. Она же разбудила сына

своего Изяслава, вложила ему в руки меч и научила, что говорить, когда войдёт его отец. И случилось так, и вызвал сын отца на смертный бой в защиту матери. Но не захотел отец убивать сына своего. Так Рогнеда спаслась от заслуженной ею казни. Но отправил Владимир и Изяслава, и Рогнеду, и всех её остальных детей сюда, в землю Полоцкую. Вот с тех пор мы тут и живём, в построенном молодым князем городке Изяславль. — Последнюю фразу Будой произнёс с совсем другими интонациями и зевнул.

— А почему она решила... того?.. Ну, это самое... — не дал ему так быстро закончить Ярослав.

— Да что тут рассказывать, — повторил Будой и принялся это делать. — К Рогнеде, дщери полоцкого князя Рогволода, сватались и Владимир, и старший брат его, Ярополк. И люб ей был Ярополк, а Владимир не люб, ибо не хотела она сына рабыни. И пошёл тогда Владимир воевать Полоцк, и взял город, и сжёг его. И насильничал он Рогнеду, а отца и братьев её убил. Затем дал ей имя новое, Гореслава, и под этим именем взял её себе в жёны. И свыклась Гореслава с долею своей, и рожала ему сыновей и дочерей. Ну а Владимир, как и положено великому князю, заводил себе новых жён и наложниц, а Рогнеде это было ой как не любо, ну вот она и, как ты сказал, того-этого.

— А Малуша, бабка моя, и правда была рабыней? — не унимался Ярослав.

— Вот ещё чего, — зевнул Будой.

Ярослав продумал услышанное. Получается, что все более-менее важные детали произошедшего тогда он и так, оказывается, знал. Или, верно, догадывался. Хотя нет — было одно, важное, что ему представлялось неверно. Изяслав не сам, своею волею, взял меч, чтобы защитить мать, но был научен ею, что делать и что говорить. Странно. Ему хотелось прояснить причины доверия между матерью и братом, но на самом деле они теперь ему даже менее понятны.

— Будой, а Будой!

— Ну чего тебе ещё?

— А расскажи мне ещё сказ про Илью Муромца, — застенчиво попросил мальчик.

— Что, опять? — Будой даже засмеялся. — Давай как-нибудь уж в иной раз. Завтра рано вставать, коли рыбачить хотим. Спи уже.

* * *

Изяслав проснулся, как обычно, довольно поздно. Не раскрывая глаз, послушал звуки большого хозяйства, доносившиеся со двора, полусонно потянулся. Потом повернулся к сладко сопевшей жене и, улыбнувшись, долго разглядывал её, соображая, что сейчас сильнее: желание погладить её или нежелание разбудить. Выражение лица той было такое детское-детское, что Изяслав лишь едва коснулся тонкой пряди её русых волос и встал с разметённой постели.

Он натянул на себя длинную холщовую рубаху с грубой одноцветной вышивкой, обычные штаны хазарского всадника, широкие в бёдрах для свободных движений в седле, зашнуровал лёгкие кожаные туфли, выдавшие виды. А потом принялся завязывать пояс жёлтого шёлка с золотым шитьём сложнозакрученного узора и густыми узлами шёлковой бахромы на обоих его концах. Князь мог позволить себе сколь угодно простую одежду, но пояс на нём всегда должен был громко заявлять всем окружающим, кто он такой.

Закончив с облачением, он вышел во двор, умылся из бочки, в которую уже наносили свежей воды с реки. Заодно глянул в её тёмную поверхность, не стали ли заметнее полоски его усов. Светлый мальчишеский пушок на его лице не слишком давно стал принимать хоть какую-то жёсткость, и чёрт его знает, когда усы вырастут до нормальной длины. Он как-то заметил, что его намёк на усы лучше выделяется, если чаще и чище брить подбородок и щёки, и теперь вовсе пользовался этим способом.

На крыльце появилась Тяша — выхлопать дорожки из материнских покоев. Значит, та не только встала, но уже и ушла куда-то.

— Княгиня где? — спросил он девушку.

— К реке спускалась.

Весело насвистывая и поглядывая на собиравшиеся на западе облака, не принесут ли те дождя, Изяслав пересёк двор, извилистой тропинкой вприпрыжку зашагал к лодочной пристани. Там по утреннему времени оказалось пустынно, да и сама мать в одиночестве стояла поодаль, у края начинавшихся слева зарослей ив. Он подошёл к ней.

— Как красива наша земля, — медленно проговорила она, не оборачиваясь в его сторону. — Нет лучше её на всём белом свете.

Изяслав искоса глянул на её лицо, и на него снова нахлынула её скорбь. Усталая женщина, чья молодость и краса давно ушли безвозвратно, всматривалась в играющие блики на воде так, будто пыталась отыскать там своё утнувшее счастье. Он знал, что только ему она позволяла увидеть себя слабой и вздохнул.

— Проклятая горбунья, — глухим низким голосом добавила она. (Молва настаивала, что царьградская Анна была чуть сутуловата и суха.) — Мало ей, всё мало.

Изяслав отвернулся, боясь, что на его собственном лице она прочтает очевидное соображение, которое сама почему-то не замечала, а он опасался показывать ей: гречанке всего лишь удалось сделать то, чего тогда не добилась она сама — ликвидировать всех своих соперниц.

— Быть может, затвориться мне в монастыре...

— Хочешь бросить нас?

— Не знаю, ох, не знаю... Госкливо мне.

— Скоро внук родится, будет тебя радовать. Да и жена моя совсем ведь ещё дитё, не заменит тебя никак.

Мать бросила на него тёплый взгляд. Изяслав никогда не спорил с нею из-за существовавшей у него непоколебимой уверенности, сколько себя помнил, что она всегда

правильно поступает и всегда правильно выбирает. Вместе с тем она неизменно шла к нему в определённых сомнительных случаях, чтобы он переубедил её. Точнее, чтобы он растолковал ей: она обоснованно сомневается и на самом деле лучше так не делать.

— В монастыре тебе уж точно веселее не будет.

— И то верно... Ну, пойдём домой. Что это? — обернулась она на женские вопли.

На косогоре стояла Тяша и, беспорядочно махая руками, что-то истошно кричала. Ветер сносил её крик, но пару слов Изяслав всё же сумел разобрать: «Владимир», «гонец». Он тут же заторопил мать, на особенно крутых подъёмах даже подтягивал её за собой, раздобревшую после всех её родов. Перед самым верхом она опомнилась, вырвала руку и остановилась, чтобы отдышаться и прийти в себя. «Проклятая горбунья...» — сердито прошептала она и поднялась во двор.

Туда со всех концов сходились, сбегались люди. Они скапливались по большой окружности, в центре которой враскоряку стоял невысокий мужчина средних лет, судя по запылённому виду, прошедший несколько дней в седле. Он жадно пил поданный ему челядином квас, зыряка острым взглядом то по собиравшейся толпе, то в сторону пустого крыльца. Рогнеда, сопровождаемая Изяславом, не спеша пересекла двор, величественно поднялась на крыльцо. Воины и челядь радостными голосами приветствовали её. Гонец сунул опустевший ковш в руки челядину, вытер рукавом усы и прокашлялся. Из дверей вытопал Ждан, с креслицем в руках, проворно сбежал с крыльца. Изяслав проследил его направление — и точно, тот нёс его Ярославу, сидевшему сейчас на руках Будоя. Он хотел было жестами попросить Будоя принести мальчика к ним на крыльцо, но тут раздался зычный голос, и князь забыл об этом своём намерении. Тревожно-радостный гул вокруг быстро стих.

— Здравствуй, Гореслава, здравствуй, Изяслав, здравствуйте, все люди добрые. Меня зовут Дробыч, я принёс

вам слова Владимира, князя киевского. Слушайте же их, слушай, Гореслава, слушай, Изяслав, слушайте, все люди добрые, — тут он изменил свой голос на басовито-раскастистый. — Я, князь Владимир, желаю всем здравствовать. Знай же, Гореслава и весь народ полоцкий, что я со дружиной своей принял в городе Корсуни святое крещение...

Тут толпа несколько заволновалась; глашатай помолчал, давая людям возможность, если надо, переспросить друг друга, правильно ли они поняли его слова, и, дождавшись установления тишины, продолжил:

— Знай же, Гореслава, что, крестившись, я взял в жёны Анну, порфирородную царевну ромеев.

Он снова сделал паузу, но тут толпа осталась в целом спокойной, не считая редких криков одобрения дипломатических усилий князя и смешливых советов ему насчёт первой брачной ночи.

— Теперь, крестившись, я должен иметь одну жену, с которой вступил в христианский брак; ты же выбери себе мужа из моих бояр, кого пожелаешь.

Толпа испустила какое-то непонятное «у-у».

Прежним своим голосом глашатай повторил, что это были слова Владимира, князя киевского.

Изяслав ещё раз глянул на мать: последний пункт, про новое замужество, — это новость. Про всё остальное им ещё с весны было известно: частью из настойчивых слухов, частью от оставшихся в Киеве друзей матери. Сам он ещё не мог разобраться, хороша эта новость или плоха, но мать на последних словах побелела.

Слегка качнувшись, она сделала шаг вперёд и принялась говорить в открытое пространство перед собой:

— Слушай меня, Дробыч, и передай мои слова мужу и господину моему Владимиру в точности. Я природная княжна, ею была, ею и останусь. А если он принял святое крещение, то и я могу быть невестой Христовою.

И обмякла. Изяслав подскочил к ней, готовясь поддержать её, если будет падать, но этого не произошло. Тол-